
УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УЧАСТИЕ ГОСУДАРСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ОТ «РАВЕНСТВА ОРУЖИЯ» К РЕАЛИСТИЧНЫМ КОНЦЕПЦИЯМ

© 2020 г. Л. В. Головки

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: leogol1967@gmail.com

Поступила в редакцию 29.01.2020 г.

Аннотация. Какова роль государства в уголовном судопроизводстве? С одной стороны, представители государства обязаны реализовывать функцию обвинения, что обусловлено публично-правовой природой преступлений. С другой — осуществление уголовного правосудия также является государственной функцией. С учетом данной ситуации принцип состязательности, крайне модный в современном неолиберальном контексте (в частности, в России) адекватным не выглядит — ни с точки зрения правовой, ни с точки зрения фактической, ни с точки зрения моральной. Концепция «равенства оружия», активно развиваемая Европейским Судом по правам человека, также вряд ли может рассматриваться в качестве корректной концептуализации обязательств государства в уголовном процессе. Автор предлагает свой реалистичный взгляд на участие государства в уголовном судопроизводстве и принцип состязательности.

Ключевые слова: уголовный процесс, государство, неолиберализм, принцип состязательности, «равенство оружия», Европейский Суд по правам человека.

Цитирование: Головки Л.В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям // Государство и право. 2020. № 6. С. 107–118.

DOI: 10.31857/S013207690009942-8

STATE PARTICIPATION IN THE CRIMINAL PROCEDURE: FROM “EQUALITY OF ARMS” TO REALISTIC THEORIES

© 2020 L. V. Golovko

Lomonosov Moscow state University

E-mail: leogol1967@gmail.com

Received 29.01.2020

Abstract. What is the role of the state in criminal procedure? From one hand, the state representatives should realize the accusation function because of the public nature of offence. On the other — the criminal justice is a state function as well. Face of this situation, the adversarial principle, very trendy in the contemporary neoliberal context (in particular, in Russia), does not look very adequate — neither legally, nor factually, nor morally. The theory of “equality of arms”, actively developed by the European Court of Human Rights, does not be considered as a correct conceptualization of the state obligation in criminal procedure either. The author proposes his realistic view on the state role in criminal procedure and adversarial principle.

Key words: criminal procedure, state, adversarial principle, neoliberalism, “equality of arms”, European Court of Human Rights.

For citation: Golovko, L.V. (2020). State participation in the criminal procedure: from “equality of arms” to realistic theories // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 107–118.

Участие государства в уголовном судопроизводстве вызывает определенные затруднения. Начнем с того, что в силу самой природы уголовного процесса обвинение в нем почти всегда осуществляется от имени государства, к чьим обязанностям относится защита общества от опасных для него посягательств — преступлений. Исключения из этого правила крайне редки, немногочисленны (например, дела частного обвинения) и не меняют общей картины. Поэтому государство формирует сторону обвинения не только в континентальных правовых системах (действуя в лице прокурора — государственного обвинителя), но и в Англии или США.

Мы, конечно, не забываем, что, например, в Англии действует т.н. система «народного обвинения», когда «уголовное преследование по всем делам может быть осуществляемо частными лицами — не только потерпевшими — и что органы полиции, фактически гораздо чаще возбуждающие преследование, чем частные лица, формально делают это на тех же основаниях, что и частные лица, и так же, как и частные лица, для поддержания обвинения в суде прибегают к помощи адвокатов. Отсюда проистекает прежде всего та особенность, что, в то время как на континенте адвокат (поскольку дело идет об уголовном правосудии) и защитник — это почти одно и то же, в Англии адвокаты одинаково служат задаче обвинения и защиты в уголовном процессе»¹. Однако, во-первых, если осуществление обвинения частными лицами встречалось в Англии намного более редко по сравнению с его осуществлением государственными органами (полицией) в далеком 1937 г., когда приведенные строки писал Н.Н. Полянский, то сегодня оно стало окончательно маргинальным и вполне сопоставимым по реальному объему дел с континентальными делами «частного обвинения» с той лишь разницей, что круг таких дел определяется не законом (как на континенте), а практикой, или даже точнее количеством частных лиц, желающих брать на себя вместо государства нелегкое бремя уголовного обвинения². Во-вторых, приравнивание полиции к частному лицу (якобы полиция действует на тех же основаниях, что и частное лицо) есть не более чем хрестоматийный пример юридической фикции, то есть «приема, состоящего в намеренном признании факта (или явления. — Л.Г.) существующим, несмотря на то что он заведомо не существует в реальности,

либо в подмене существующего факта заведомо несуществующим»³. В-третьих, не следует забывать и о создании в Англии в 1985 г. Королевской службы уголовного преследования (Crown Prosecution Service), отчасти напоминающей континентальную прокуратуру и принявшей на себя либо непосредственное поддержание обвинения в суде, либо инструктирование адвокатов, которым такое поддержание поручено Службой⁴. В-четвертых, даже тогда, когда обвинение в Англии по-прежнему поддерживают адвокаты, они действуют от имени не частных лиц (допустим, потерпевших), а Короны, т.е. государства.

Итак, ясно, что обвинение в подавляющем большинстве случаев осуществляется в уголовном процессе от имени государства как единственного источника его легитимности. Концептуально это связано с тем, что преступление общественно опасно, т.е. по определению посягает на общий (публичный интерес), защищать который государство и призвано. Как только мы начинаем рассматривать то или иное деяние как посягательство исключительно на интерес частный, то оно тут же перестает быть преступлением, становится частноправовым деликтом и переходит в плоскость гражданского судопроизводства. Уголовный процесс здесь не нужен⁵.

При этом привычная нам всем оценка государства как «стороны обвинения» (по принципу РФ против X, United States v. Y и т.п.) является скорее фигурой речи, нежели констатацией наличия у государства в уголовном процессе какого-то особого интереса. Отсутствие такого интереса проявляется в том, что именно государство в лице других своих органов — судов — осуществляет правосудие по уголовным делам, поскольку без профессиональных судей, являющихся носителями государственной власти, оно немыслимо даже в суде присяжных, не говоря уже о других вариантах состава суда (в первой инстанции, апелляции, кассации и т.п.). Если бы речь шла о стороне как

³ Смирнов А.В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе. М., 2018. С. 210.

⁴ См. подр.: Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. 2-е изд. М., 2002. С. 67.

⁵ Дела частного и частно-публичного обвинения, известные некоторым правовым порядкам (Германия, Австрия, Швейцария), в т.ч. российскому, остаются связанными с посягательством на интерес публичный, т.к. соответствующие преступления общественно опасны. Другое дело, что общественная опасность не может здесь быть полностью объективирована. Она зависит от субъективного восприятия соответствующего деяния потерпевшим (как унижающего его достоинство или не унижающего, как насильственного или соответствующего его внутренним ожиданиям и т.п.), что и предопределяет особый «частный» механизм обвинения по таким делам. В то же время, как только возможность свободного волеизъявления исчезает (несовершеннолетние, зависимые лица и т.п.), то производство сразу же становится полностью публично-правовым (ч. 4 ст. 20 УПК РФ).

¹ Полянский Н.Н. Уголовное право и уголовный суд в Англии. М., 1937. С. 147.

² Современные специалисты отмечают, что право каждого лица на осуществление частного уголовного преследования сегодня является в Англии «теоретическим», поскольку «на практике расследованием преступлений занимается полиция» (см.: Апарова Т.В. Суды и судебный процесс Великобритании. Англия, Уэльс, Шотландия. М., 1996. С. 97).

выразителе частного интереса, то подобная постановка вопроса возможной не только бы не была, но рассматривалась как фундаментальное нарушение принципов правосудия. Публичный же интерес, отстаиваемый государством, предполагает не устремленность к какой-то корпоративной цели, а поиск единственно справедливого для общества решения, то есть наказание действительно виновных и освобождение от уголовного преследования действительно невиновных. Его достижение требует от государства сложной организации уголовного судопроизводства, где разные должностные лица и государственные органы выполняют в качестве представителей государства разные процессуальные функции. Поэтому от имени государства осуществляются и предварительное расследование, и обвинение, и правосудие.

В то же время государство не выступает в уголовном процессе в качестве обвиняемого, подсудимого, ответчика (в широком смысле), т.е. на стороне защиты⁶, что отличает уголовное судопроизводство, допустим, от административного. Это связано с тем, что ни государство в целом, ни отдельные его органы власти (институты) уголовной ответственности не несут — ее несут исключительно частные лица (физические, а в некоторых правовых порядках физические + юридические). Представить себе на скамье подсудимых институт парламента (а не отдельных конкретных депутатов, то есть физических лиц), институт правительства (а не отдельных министров, то есть опять-таки физических лиц) и т.п., не говоря уже о государстве в целом, за которым всегда стоит общество (народ)⁷, невозможно даже на уровне международных судебно-уголовных инстанций (МУС и др.)⁸.

⁶ Исключением могут быть разве что случаи, когда государство, будучи, например, владельцем источника повышенной опасности, несет гражданско-правовую ответственность за действия обвиняемого, в силу чего выступает гражданским ответчиком по иску, предъявленному в уголовном процессе. Впрочем, в конкретной плоскости речь здесь, скорее всего, будет идти даже не о государстве как таковом, а об одном из учрежденных им юридических лиц (учреждение, предприятие и т.п.), так как вряд ли можно представить себе, например, автомобиль, поставленный на баланс непосредственно государства. Да и сама ситуация нас мало интересует, поскольку имеет сугубо технический характер.

⁷ Как справедливо указывается в литературе, «государство — это не надстройка над обществом, а публично организованное общество, публично-властным образом организованный народ» (см.: *Черепанов В.А.* Народ и государство: о доктринальном толковании конституционной модели // Журнал рос. права. 2019. № 1. С. 132).

⁸ Как отмечают специалисты по международному праву: «В процессе своего исторического развития международное право не выработало учения о преступлениях, которые могут быть совершены государствами. Время от времени государства выступали в роли защитников общих интересов и брали на себя право судить о правильности поведения других государств.

Такова природа уголовного права и уголовной ответственности — всегда персональной, что и определяет структуру уголовно-процессуальной деятельности, неизбежно выстраиваемой по схеме: государство (обвинение) → частное лицо (защита). Иногда данная схема внешне разворачивается, конечно, в уголовном процессе в обратном направлении, что хорошо видно на примере американских символических обозначений, когда *United States v. Y* превращается в *Y v. United States*, но это может быть связано лишь с инстанционным обжалованием приговора и означает рассмотрение вышестоящим судом (включая Верховный) апелляционной жалобы на приговор по инициативе Y. Однако даже в таком случае Y остается по делу обвиняемым, пусть и подавшим по делу апелляционную жалобу, инициировав инстанционный пересмотр приговора, а *United States* — стороной, выдвинувшей против него уголовное обвинение.

Здесь-то и возникает ключевое *экзистенциальное* противоречие современного уголовно-процессуального права. Оно заключается в том, что *технологический* императив (назовем его так) построения уголовного судопроизводства, согласно которому государство в лице своих органов (представителей) осуществляет уголовное преследование нарушившего уголовный закон частного лица, немедленно становится несовместим с основной *идеологической* уголовно-процессуальной догмой, коей является принцип состязательности и равноправия сторон. В соответствии с ним государство должно не просто обеспечить надлежащую организацию уголовного судопроизводства, включающую всестороннее расследование преступлений, выявление виновных, поддержание против них обвинения и осуществление правосудия (приговор постановляется именем Российской Федерации — ст. 296 УПК РФ), но и превратиться в такую сторону, которая на равных состязалась бы с частным лицом, обладая при этом с ним абсолютно идентичными правами, причем желательно на всем протяжении уголовного судопроизводства, в т.ч. в его досудебных стадиях. Иными словами, фундаментальный и единственно легитимный источник уголовно-процессуальной власти, стоящий на страже всего общества и обладающий монополией на привлечение к уголовной ответственности, применение мер уголовно-процессуального принуждения

Однако в истории не было такого случая, чтобы осуждение поведения государств, будь то до или после определенного события, получило общую формулировку в постановлении о международных преступлениях» (см.: *Хадсон О.М.* Международные суды в прошлом и будущем / пер. с англ.; под ред. С.Б. Крылова. М., 1947. С. 240). Представляется, что это невозможно даже чисто политически, поскольку осуждение государства означало бы коллективное осуждение целого народа со всеми вытекающими последствиями (лишение права народа на государство, его подчинение другим государствам и т.д.).

и т.п., обязан вдруг «сдуться» едва ли не до объемов частного лица, чтобы состязаться с другим частным лицом — обвиняемым, продолжая в то же время осуществлять, причем от своего имени, правосудие, т.е. рассматривать споры между собой (как стороной) и обвиняемым вопреки правилу о том, что «в собственном деле судьи нет» (*nemo iudex in causa sua*). Казалось бы, странная логика, в которой что-то не так: либо тезис о государственной природе уголовного обвинения, либо догма о состязательности. Первый мы уже кратко разобрали, он представляется незыблемым. Чтобы отказаться от него, требуется одновременно отказаться от идеи общественной опасности состава преступления, что фактически означает перевод всех преступлений в разряд частноправовых деликтов. Это нонсенс. Попробуем теперь внимательнее присмотреться к догме о состязательности.

Расцвет в последние десятилетия данной догмы имеет идеологическую природу. В свое время на нее обращал внимание Е.Б. Пашуканис, утверждавший, что «конкуренции товаровладельцев на рынке соответствует состязательность сторон в процессе»⁹. Следовательно, переход к рыночной экономике — это неизбежный переход к состязательности, поскольку рынок есть состязательность, а состязательность — рынок, что приводит к их отождествлению и невозможности существования одного без другого. В рамках развивавшейся Е.Б. Пашуканисом меновой теории права такой подход понятен. Непонятно другое. С одной стороны, как тогда объяснить классическую континентальную модель уголовного процесса, которая не просто вписывается в рыночную экономику, но стала одной из несущих конструкций ее формирования (наполеоновские кодификации), имея при этом как минимум смешанный характер с ярко выраженным следственным началом, отсутствием какой-либо состязательности на предварительном следствии, активной ролью суда в судебном разбирательстве, принципом материальной истины и т.д.? УПК Франции в его изначальной версии весьма далек от состязательной догмы¹⁰, что не помешало ему быть в 1958 г. принятым и действовать в период бурного роста французской рыночной экономики. Немецкое неприятие состязательности уголовного процесса также известно¹¹, что никак не препятствует этому государству являться мотором рыночной экономики ЕС. Список примеров можно продолжить. С другой стороны, дискурс о состязательности был для

советской уголовно-процессуальной доктрины характерен в значительно большей степени, чем для французской или германской¹², особенно после выхода в 1939 г. знаменитой монографии М.С. Строговича¹³, что ни в коей мере не свидетельствовало о наличии в СССР рыночной экономики. Иными словами, погружение в эмпирику не подтверждает гипотезу об обязательной корреляции между состязательностью уголовного процесса и рыночной экономикой — они вполне могут существовать, иногда успешно, иногда не очень, в отрыве друг от друга. Применительно к состязательности речь все-таки идет не о *conditio sine qua non* рыночной экономики, а всего лишь об одной из моделей уголовного процесса, принятой в англосаксонских странах, где действительно есть рыночная экономика, но где она додилась отнюдь не благодаря принципу состязательности, в котором часто видят скорее феодальные корни¹⁴.

Ситуация с достаточно спокойным отношением к состязательности уголовного судопроизводства и пониманием его ограниченной сравнительно-правовой природы (как одного из символов англо-американского уголовного процесса, не более того) начала меняться именно в последние 30 лет, причем повсеместно и безотносительно к рыночной экономике, т.е. даже в тех государствах, где такая экономика, в отличие от России, давно существовала и успешно действовала. Связано это с развитием идеологии *неолиберализма*, который, по замыслу его адептов, должен прийти на смену традиционному либерализму. Последний, как известно, характеризуется проведением четкой границы между государством и рынком, между публично-правовым и частноправовым. Государство обеспечивает развитие рынка, отдавая ему на откуп частноправовую сферу, но само строит себя вне рынка, подчиняясь другой логике — публично-правовой, включая уголовное судопроизводство. Если судопроизводство гражданское, сталкивающее между собой частных лиц как равных партнеров, конструируется на частноправовых началах, где государство в лице суда по общему правилу выполняет лишь роль арбитра¹⁵ (отсюда стороны,

⁹ Цит. по: Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939. С. 108.

¹⁰ См. об этом, напр.: Guinchard S., Buisson J. Procédure pénale. Paris, 2000. P. 47, 52, 53.

¹¹ См., напр.: Бойльке В. Уголовно-процессуальное право ФРГ. Красноярск, 2004. С. 36, 37.

¹² См. об этом, напр.: Зайцева Е.А. Особенности действия принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Принципы российского уголовного судопроизводства: содержание и проблемы реализации / под ред. Н.С. Мановой. М., 2019. С. 268–270.

¹³ См.: Строгович М.С. Указ. соч.

¹⁴ См.: там же. С. 108.

¹⁵ В России государство может, разумеется, выступать участником не только публично-правовых, но и частноправовых отношений, в силу чего выступать в гражданском процессе также в качестве истца, ответчика и т.п. Но в этой ситуации такие отношения рассматриваются в качестве т.н. горизонтальных, когда государство официально лишено каких-либо

диспозитивность и т.п.), то уголовное судопроизводство должно решать иные, публично-правовые, задачи, где никакого равенства сторон *a priori* нет и быть не может, что приводит к совершенно другим процессуальным конструкциям (предварительное расследование, принцип *ex officio*, отсутствие сторон, активный суд и т.п.).

Неолиберальная идеология пытается идти дальше и сломать границу между публично-правовым и частноправовым. Как отмечает профессор Калифорнийского университета В. Браун, приставка «нео» означает, что, в отличие от традиционного либерализма, государство более не служит гарантом свободного развития рынка, «его задачей вообще не является развитие экономики как таковое, оно скорее само превращается в рынок, строит себя как рынок, рассматривает как рынок»¹⁶. В каком-то смысле вопрос действительно в рыночной экономике, но в ее не традиционном, а экспансионистском понимании, когда она выходит за границы концептуально проложенного институционального частноправового русла и, словно наводнение, стремительно смыкает хрестоматийные публично-правовые матрицы, включая не только здравоохранение, образование, государственное управление, но и уголовное судопроизводство. Те идеи, которые Е.Б. Пашуканис когда-то развивал в критическом духе, где-то допуская даже немалые преувеличения, становятся реальностью, причем со сменой знака «минус» на знак «плюс». Дескать, такой и должна быть подлинная рыночная экономика: она никаких исключений или ограничений не приемлет, тотально подчиняя себе все правовые принципы, институты, конструкции.

Если экстраполировать неолиберальную логику на уголовный процесс, то он должен стать «рыночным», договорным, состязательным, причем радикально состязательным, и никаким иным. Поскольку избавиться от государства, как мы убедились, в уголовном судопроизводстве невозможно, то его следует просто превратить в «сторону» и обязать вести состязательный поединок с обвиняемым, «ведь что может быть лучше полного равенства сторон в честном споре, под эгидой

беспристрастного и объективного суда? Только здесь индивид может на равных противостоять государству-Левиафану»¹⁷. Государство должно не только состязаться, причем на равных, с обвиняемым, но и вступать с ним в ходе уголовного судопроизводства в бесконечные договорные отношения¹⁸, которые также идеально соответствуют неолиберальной тотально-рыночной догматике.

Для переформатирования уголовного процесса в новую неолиберальную состязательную парадигму осталось одно: добиться реального равенства в уголовном процессе государства и гражданина, т.к. без такого равенства любая состязательность оказывается пустым звуком. Задача, надо признать, не из легких, учитывая, что одна из «равных сторон» обладает здесь всей полнотой прерогатив публичной власти (государство), а другая — ею *a priori* обладать не может, будучи всего лишь частным лицом (гражданин). Ради ее решения была выработана «смертельная и крайне модная»¹⁹ концепция «равенства оружия», представляющая собой «результат скрещивания цивилистического принципа состязательности и уголовно-процессуального принципа права на защиту»²⁰. Развивать данную концепцию особо активно принялся Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ), по долгу службы призванный сдерживать государство всеми возможными и невозможными средствами, пусть в самой Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. ни о каком «равенстве оружия» не сказано ни слова. Впрочем, это не помешало ЕСПЧ регулярно «маскировать равенство оружия за фасадом действительно конвенционного принципа справедливости судебного разбирательства»²¹.

В самой концепции «равенства оружия» нет ничего нового. Она давно известна, например, американскому уголовно-процессуальному праву, где и была вербально сформулирована (*equality of forensic arms*) в целях придания теоретической стройности принципу состязательности уголовного судопроизводства — центральному, как мы

властных полномочий, действительно превращаясь на основании еще одной юридической фикции в некую частную сторону (исключительно в рамках соответствующего правоотношения). Впрочем, в очень многих правовых порядках (например, во Франции) такая ситуация невозможна: участником частноправовых отношений государство не является по определению, в силу чего любой договор с участием государства (даже на закупку скрепок или офисной техники) считается публично-правовым, а споры по нему по общему правилу рассматриваются в порядке не гражданского, а административного судопроизводства.

¹⁶ Brown W. Le cauchemar américain: le néoconservatisme, le néolibéralisme et la dé-démocratisation des Etats-Unis // *Raisons politiques*. Vol. 28. 2007. No. 4. P. 70, 71.

¹⁷ Смирнов А.В. Социально-историческая детерминация типов и форм судопроизводства, или Вечен ли состязательный процесс? // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М.С. Строговича: материалы конференции, 24–25 октября 2019 г., Москва. М., 2020. С. 40.

¹⁸ См. об этом: Зайцев О.А. Тенденции развития договорных отношений в российском уголовно-процессуальном праве // *Журнал рос. права*. 2019. № 1. С. 74.

¹⁹ Casorla F. Les principes directeurs du procès pénal, principes généraux du droit? Essai de clarification // *Le droit pénal à l'aube du troisième millénaire. Mélanges offerts à Jean Pradel*. Paris, 2006. P. 64.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

помним, для англо-американской модели уголовного процесса. Если приглядеться, то американское понимание *equality of forensic arms* смотрится более чем скромно и не отличается никаким радикализмом, оно весьма реалистично. Речь идет о том, что «и в отношении стороны обвинения, и в отношении стороны защиты применяются одни и те же ограничения при представлении доказательств и изложении своих позиций по делу. Сторона обвинения сидит за таким же по форме столом и на том же уровне, что и сторона защиты, прокурор носит такую же обычную одежду, что и адвокат-защитник. Какими бы прерогативами ни был наделен прокурор вне стен зала судебного заседания, они исчезают, как только он является в суд для участия в судебном разбирательстве по уголовному делу»²². Иными словами, ни о каком «равенстве оружия» государства и гражданина речь здесь не идет и идти не может. «Равным оружием» с защитой обладает исключительно поддерживающий обвинение прокурор, да и то только в тот момент, когда находится в зале судебного заседания, а не за его пределами, причем подчас на сугубо символическом уровне (форма стола, его расположение, одежда и т.п.). В остальном никто никакого равенства государства с гражданином не требует — дисбаланс неизбежен. Есть лишь некоторые механизмы, его смягчающие, которые *mutatis mutandis* существуют в любой уголовно-процессуальной системе (состязательной, смешанной, следственной и т.п.).

Новаторство ЕСПЧ заключается не в самой концепции *equality of arms*, заимствованной у американцев, а в стремлении придать ей едва ли не абсолютный характер, т.е. попытаться добиться реального уголовно-процессуального «равенства оружия» между государством, причем далеко не только в лице участвующего в судебном заседании прокурора, и гражданином. Интересно, что в «золотой век» европейского механизма защиты прав человека, когда он являлся частью исключительно западного мира и не был столь откровенно ориентирован на сдерживание государства, большого развития идея «равенства оружия» не получила²³. ЕСПЧ активизировал ее фактически одновременно

с окончанием холодной войны и стартом глобального неолиберального проекта, хотя, быть может, речь идет о простом совпадении, исключить которое мы, конечно, не можем.

Так, во Франции одной из «первых ласточек» стало вынесенное в 1993 г. решение ЕСПЧ по делу *Poitrimol c. France*, вызвавшее в «до глубины потрясенных» юридических кругах страны «непередаваемые эмоции», поскольку под сомнение оказался поставлен сам принцип «эффективности деятельности судебных органов»²⁴. До того французы всегда исходили из непреложного юридического постулата, что лицо, скрывающееся от правосудия и не предстающее вопреки официальным вызовам перед судом, не вправе подавать ни апелляционную, ни кассационную жалобу, т.к. если ты не исполняешь элементарных процессуальных обязанностей, то не можешь рассчитывать и на реализацию процессуальных прав. ЕСПЧ признал такой подход нарушением Европейской конвенции 1950 г., сославшись именно на необходимость соблюдать «равенство оружия», хотя не очень понятно, в чем оно здесь заключается (прокурор же не скрывается от правосудия). В результате находящиеся «в бегах» обвиняемые, в отношении которых в т.ч. выдан приказ об аресте и которые официально объявлены в розыск, получили возможность дистанционно направлять апелляционные и кассационные жалобы, не рискуя быть задержанными, что особенно перспективно с учетом развития электронного документооборота и знаменитой цифровизации уголовного процесса. Кассационный суд Франции, а также апелляционные суды несколько лет пытались сопротивляться, пока не были окончательно «добиты» еще двумя решениями ЕСПЧ, постановленными в 1998 г. (по делам *Omar* и *Guerin*), после чего 30 июня 1999 г. Кассационный суд Франции все-таки выбросил «белый флаг», подтвердив позицию ЕСПЧ в одном из своих постановлений²⁵.

Но окончательный расцвет принципа «равенства оружия» пришелся на период, когда ЕСПЧ вышел за пределы западного мира и распространил свою юрисдикцию на Восточную Европу и постсоветское пространство, включая Россию. После этого обвинения государств в нарушении «равенства оружия» посыпались словно из рога изобилия.

Если не вдаваться в детали, то все эти решения вызывают странное чувство, когда отклонения от нормы известны, а сама норма остается загадкой. Иначе говоря, понятно, в чем в каждом конкретном случае выражается нарушение «равенства оружия», но совершенно непонятно, как должен выглядеть уголовный процесс, в котором такого нарушения

²² Бернам У. Правовая система США. М., 2006. С. 171.

²³ См., например, умеренную позицию Комиссии по правам человека, высказанную в 1959 г.: в соответствии с ней справедливое судебное разбирательство предполагает, что «любая сторона должна иметь разумную (курсив наш. — Л.Г.) возможность изложить свою позицию суду в условиях, которые не ставят ее в существенно (курсив наш. — Л.Г.) менее выгодное положение по сравнению с противоположной стороной» (см.: *Renucci J.-F. Droit européen des droits de l'homme*. Paris, 1999. P. 204, 205). Ни о каком «равенстве оружия» здесь не говорится. Ссылки на него стали множиться только в практике ЕСПЧ 1990-х годов (см.: *ibid.* P. 205), чем-то напоминая растущий снежный ком.

²⁴ *Casorla F. Op. cit.* P. 66.

²⁵ См.: *ibid.*

нет. Скажем, по делу Мирилашвили против России ЕСПЧ вынес постановление от 11 декабря 2008 г., в котором признал Россию виновной в нарушении положения «равенства оружия», поскольку «обвинение могло допрашивать ключевых свидетелей непосредственно, защита — нет»²⁶. Допустим. Но ведь этот ряд легко продолжить: обвинение вправе применять принудительный привод свидетеля, защита — нет (где здесь «равенство оружия?»); обвинение вправе применять меры пресечения, защита — нет (а здесь где?); свидетель несет уголовную ответственность перед обвинением за дачу заведомо ложных показаний, перед защитой — нет (и здесь нет «равенства») и так до бесконечности. Как должна выглядеть институциональная норма? Любые попытки такую норму выстроить, опираясь на пресловутое «равенство оружия», приведут к абсурду. Более того, в погоне за реальным, а не формальным, равенством мы не можем ограничиваться исключительно позитивистским взглядом на вещи и обязаны, вспомнить, например, о финансовых гарантиях реализации процессуальных прав. В силу этого возникает вопрос о том, что обвинение вправе использовать государственный бюджет для осуществления своей процессуальной деятельности, причем на совершенно легитимных основаниях, а защита — нет. Данная проблема, к слову, давно беспокоит американцев с их стремлением к состязательности²⁷. Выхода из нее не существует.

В результате ЕСПЧ может фактически *произвольно*, в каждом случае и всегда обвинить любое государство в нарушении «равенства оружия», т.к. данное требование *a priori* нельзя выполнить — даже гипотетически. Образно говоря, если оттолкнуться от мысли А.В. Смирнова об «одной весовой» категории как обязательном условии состязательного спора²⁸, то здесь ситуация напоминает двух спортсменов, один из которых в силу физической природы на полметра выше и на сотню килограммов тяжелее другого и которых вместо того, чтобы развести по разным весовым категориям, зачем-то все время вызывают на общий ринг, по сути, лишь для того чтобы дисквалифицировать первого (высокого и тяжелого) и объявить, что он нарушает «правила». Зачем это делать и чего ждать? Что он постепенно «вратет в землю», изменит физическую конституцию и сможет на равных соревноваться со вторым? Абсолютно напрасные ожидания.

Если вернуться от образных примеров к реальности, то ясно — ЕСПЧ просто использует концепцию

«равенства оружия» для того, чтобы поставить государство в положение вечно оправдывающейся стороны, выбраться из которого оно при всем желании не в состоянии ввиду совершенной неадекватности предъявляемых к нему в данном аспекте требований. Происходит своего рода любопытная инверсия роли государства в уголовном процессе: оно обвиняет гражданина в национальном уголовном суде в нарушении уголовного закона, а затем защищается перед этим гражданином в ЕСПЧ в связи с нарушением беспредельного по объему и крайне неопределенного положения справедливости уголовного судопроизводства, причем почти всегда без малейших шансов на успех. Примерно о том же пишет известный французский процессуалист Ф. Казорла: «Принцип равенства оружия, главным образом, направлен на то, чтобы поставить государство правосудия (т.е. государство, не только участвующее в правосудии, но и организующее, легитимирующее его, отвечающее за него. — Л.Г.) на одну доску с лицом, преследуемым за нарушение уголовного закона, и, вот неожиданная оборотная сторона медали, с потерпевшим, который предстает в такой ситуации в качестве самого настоящего прокурора»²⁹. Другое дело, насколько это реалистично.

Даже если отвлечься от ЕСПЧ с его концепцией «равенства оружия» и вернуться в русло извечных российских дискуссий о состязательности, только обострившихся в последние годы, то здесь возникает точно такая же проблема. Выше мы обозначили ее в качестве *экзистенциальной*. С одной стороны, «для реализации подлинной состязательности (противостояния интересов различных участников процесса) необходимо установить реальный паритет в правах этих участников при доказывании значимых по делу обстоятельств, чтобы они могли в равных условиях отстаивать свои процессуальные интересы в присутствии независимого арбитра — суда»³⁰. Иными словами, для состязательности в уголовном процессе необходимо пресловутое «равенство оружия», как бы мы его ни называли (равенство прав сторон, паритет прав сторон и т.п.), без него ничего не получается. С другой — «публичные субъекты, в отличие от частных лиц, наделяются дополнительными полномочиями для реализации возложенных на них государством функций в силу их правового статуса как представителей государства в уголовном судопроизводстве, что *a priori* исключает фактическое равенство сторон в решении всех возникающих

²⁶ Трубникова Т.В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации. Томск, 2011. С. 126.

²⁷ Бернам У. Указ. соч. С. 224.

²⁸ Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб., 2000. С. 18.

²⁹ Casorla F. Op. cit. P. 66.

³⁰ Зайцева Е.А. Указ. соч. С. 279.

³¹ Как мы увидим дальше, в уголовном процессе невозможно не только фактическое, но и формальное равенство сторон, если под стороной уголовного процесса понимать государство в целом.

вопросов»³². Данная мысль, показывающая, что никакого «равенства оружия» нет и быть не может, повторяется из работы в работу, причем самыми убежденными адептами состязательности. Возникает логическая цепочка: без равенства прав сторон («равенства оружия») состязательность невозможна, а это равенство в уголовном процессе недостижимо. Какой же вывод из данной логической цепочки следует? Строго говоря, никакого. Рассуждения о состязательности сразу же становятся «ценностно-ориентирующими», теряя какое-либо техническое процессуальное содержание. Дескать, состязательность «ориентирует судебную деятельность на защиту социальных ценностей демократического государства», прежде всего таких как «верховенство права, обеспечение государством прав человека... самоограничение государства правом»³³. Состязательность — это «эталон», «политический критерий демократичности, цивилизованности и справедливости судопроизводства»³⁴.

Пора, наконец, отойти от чисто идеологического взгляда³⁵ на вопрос о состязательности уголовного судопроизводства, причем независимо от того, связан ли такой взгляд с неолиберализмом, недалеко от него отстоящим правозащитным активизмом ЕСПЧ, чтобы подойти к нему сугубо *технологически*. Иными словами, при решении проблемы состязательности идеология должна в конце концов уступить место юридической технике. В противном случае не удастся построить адекватный механизм уголовного судопроизводства, представляющий собой как минимум не меньшую ценность, чем любые лозунги и заклинания. Попробуем обозначить в связи с этим несколько тезисов, на основе которых, как думается, можно вести дальнейшие дискуссии и, что самое главное, выстраивать *реалистичные концепции* состязательности.

Во-первых, уголовное судопроизводство не является спором сторон, отстаивающих «свои процессуальные интересы»³⁶, поскольку в нем сталкиваются защищаемый государством публичный интерес и интерес частный, в чем и состоит существо

уголовного дела³⁷. Публичный интерес, основанный на идее *общественной опасности* преступления, ни для кого «своим» быть не может: ни для государства в целом, ни для его отдельного органа или должностного лица, ни для государственного обвинителя, ни для потерпевшего. Он вообще приватизации, т.е. превращению из «общего» в «свое», не подлежит, если не впадать в неолиберализм и не возвращаться к феодальной логике построения общества (что фактически одно и то же). Защищая общий (публичный интерес) и не обладая правами юридической личности, общество постепенно *политически* конструирует государство как свою правовую форму и его институты³⁸, а государство затем, помимо прочего, выстраивает уголовное судопроизводство как сложную институционально-функциональную систему, где государство в лице своих органов вынуждено решать сразу несколько задач (выполнять сразу несколько функций), обеспечивая, как уже отмечалось, объективное расследование, поддержание обвинения, правосудие. Все названные функции³⁹ осуществляются от имени государства, что и означает «государство правосудия», используя выражение Ф. Казорла. Это не позволяет рассматривать государство в уголовном процессе только в какой-то одной роли и требует разделения уголовно-процессуальных властей⁴⁰.

Во-вторых, государство не выступает в уголовном процессе как целое, не является участником уголовного судопроизводства и не ведет с обвиняемым спора. Оно вообще по большому счету не является в уголовном процессе стороной в строгом (не символическом) смысле, поскольку обязано обеспечивать решение самых разных задач. Поэтому сама постановка вопроса о равенстве прав или «равенстве оружия» между государством и гражданином, подразумевающая стремление низвести государство до уровня состязающейся со своим гражданином стороны, не только не нужна, но и вредна, негативно влияя на степень правовой защищенности граждан, которые должны теперь не

³² Зайцева Е.А. Указ. соч. С. 280.

³³ Воскобитова Л.А. Теоретические основы судебной власти. М., 2017. С. 197.

³⁴ Смирнов А.В. Состязательный процесс. СПб., 2001. С. 18.

³⁵ В некоторых работах уже открыто признается, что речь идет не о научной концепции, а о «состязательной идеологии» (см.: Яругтова В.Ю. Участие специалиста в формировании доказательств по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2019, С. 12, 13). Но идеология является скорее предметом веры, иногда фанатичной, нежели научного знания, т.е. лежит в плоскости иррационального, а не рационального.

³⁶ Зайцева Е.А. Указ. соч. С. 279.

³⁷ Столкновение в уголовном процессе двух противостоящих друг другу частных интересов (потерпевшего и обвиняемого, гражданского истца и гражданского ответчика) также, разумеется, часто имеет место. Однако такое столкновение всегда акцессорно и не составляет существо уголовного дела (кроме дел частного обвинения), иначе уголовный процесс немедленно превратился бы либо в процесс гражданский, либо в феодальный вариант «судебного поединка», давно уже ставший историей.

³⁸ См. об этом, напр.: Мамут Л.С. Государство как публично-властным образом организованный народ // Журнал рос. права. 2000. № 3. С. 94, 95.

³⁹ На самом деле их, разумеется, больше, включая прокурорский надзор, ведомственный (процессуальный) контроль, исполнение приговора и т.п.

⁴⁰ См. некоторые аспекты данного вопроса в работе: Мельников Е.А. Уголовное преследование в системе разделения властей (досудебное производство). М., 2019.

искать в государстве гарантий своих прав, а приобретать в битве с ним какое-то иллюзорное «оружие». Как отмечал М.С. Строгович, «принцип состязательности в советском уголовном процессе ни в коем случае нельзя выводить из противоречий интересов государства и личности и рассматривать состязательную форму процесса как форму разрешения спора между государством и личностью»⁴¹. Мысль верна и за пределами советского дискурса.

Государство не может и не должно быть равно в правах частному лицу, в том числе в уголовном процессе. Оно не может быть ему равно в правах *фактически* и *экономически* (его ресурсы всегда многократно и несопоставимо больше). Оно не должно быть ему равно в правах *политически* (ему принадлежит публичная власть) и *юридически*, ведь именно государство в лице соответствующих органов и должностных лиц обладает конституционно-правовой монополией на принуждение и ограничение прав. Более того, государство не может и не должно состязаться со своими гражданами еще и по *моральным* соображениям — такого рода «конкуренция» между фундаментальным публично-правовым образованием и частным лицом, чьи права оно призвано гарантировать, этически ничтожна, ничего «эталонного» или «ценностно-ориентированного» в ней нет.

В-третьих, правотворческой миссией государства является такая организация уголовного судопроизводства, которая позволяет обеспечивать достижение задач правосудия, устанавливая и осуждая виновных, освобождая от уголовного преследования и оправдывая невиновных (публичный интерес), столь институционально тонко и сбалансированно, чтобы одновременно обеспечить всемерную защиту в уголовном процессе прав частных лиц, прежде всего права на защиту (правомерный частный интерес). При этом нюанс здесь в том, что легитимная защита частного интереса является также элементом интереса публичного, причем элементом преимущественно процессуальным, отличающимся от материально-правового элемента. В материально-правовом смысле публичный интерес заключается в том, чтобы добиться наказания лица, совершившего общественно опасное деяние, т.е. преступление. В процессуальном смысле он заключается в том, чтобы сделать это на основании точного установления обстоятельств дела (доказывание) и с соблюдением прав вовлеченных в уголовный процесс лиц, центральным из которых является право на защиту. В совокупности мы и получаем достижение целей уголовной юстиции, причем независимо от того, идет ли речь об осуждении виновного или, допустим, о прекращении дела в отношении невиновного либо даже правомерном освобождении обвиняемого от уголовной

ответственности. Где здесь место столкновению публичного и частного интересов, состязательному спору между государством и обвиняемым?

Не будем описывать конкретную институциональную схему уголовного судопроизводства, роль в ней дознания, предварительного следствия, прокурорского надзора, судебного разбирательства, апелляции или кассации, тем более что существуют разные варианты, обусловленные историческим развитием того или иного государства, его конституционно-правовыми и институциональными формами. Остается ли в этой схеме пространство для состязательности, пусть даже в ее умеренных трактовках и без претензий на «равенство оружия»? Остается, но оно невелико. Ясно, что в досудебном производстве (возбуждение уголовного дела, дознание, предварительное следствие) состязательности нет и быть не может. Здесь есть право подозреваемого и обвиняемого на защиту, оно должно обеспечиваться, но это другое. Однако по окончании предварительного расследования, когда государственные органы в лице следователя или дознавателя приходят к выводу о виновности обвиняемого и ее подтверждении достаточными доказательствами, они формулируют окончательное обвинение и составляют обвинительное заключение (акт, постановление). Если прокурор с ним согласен, он передает дело в суд, после чего утрачивает вместе с органами предварительного расследования какую-либо процессуальную власть в рамках производства по данному делу (что очень важно) и превращается не более чем в государственного обвинителя, то есть в сторону. Ему противостоит сторона защиты, в результате чего и создается состязательная конструкция стадии судебного разбирательства.

Является ли треугольник равнобедренным, т.е. равны ли стороны судебного разбирательства в своих правах? В том смысле, который вкладывает в принцип *equality of arms* американская доктрина (но не ЕСПЧ), — да, равны. Но лишь при двух условиях. *Первое* из них предполагает полный переход процессуальной власти от прокурора суду. Если же сохранить за прокурором в стадии судебного разбирательства хотя бы некоторую часть властных полномочий (например, право производить следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия, руководить полицией как «агентом обвинительной власти» и т.п.), за что ратуют отдельные поборники полной состязательности⁴², то на самом деле состязательности не только не станет

⁴¹ Строгович М.С. Указ. соч. С. 109.

⁴² См., напр.: Александров А.С. К вопросу об организации и деятельности обвинительной власти в Российской Федерации // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. Николая Сергеевича Алексеева (г. Санкт-Петербург, 28–29 июня 2014 г.) / под ред. Н.Г. Стойко. СПб., 2015. С. 107.

больше, но она вновь исчезнет (как и в предварительном расследовании), поскольку исчезнет формальное равенство сторон. В уголовном процессе стороны могут быть равны исключительно в своем «безвластии», для достижения которого по отношению к прокурору и требуется специальное построение стадии судебного разбирательства, но не в процессуальной власти, где в данном виде судопроизводства всегда наблюдается абсолютно естественный и нормальный институциональный дисбаланс в пользу государственных органов и должностных лиц. Другими словами, процессуальная власть⁴³ и равенство сторон находятся в обратной пропорциональной зависимости. Поэтому для обеспечения подлинного равенства сторон необходимо полное безвластие обеих.

Второе условие связано с правильным пониманием того, кто является в судебном разбирательстве стороной. Если считать ею государство в целом, то состязательность не только опять утрачивается, но и становится непонятной роль в уголовном процессе суда, чья государственная природа сомнений не вызывает. Получается, что государство, будучи стороной, само же разрешает уголовно-правовой спор. Нонсенс, выхода из которого нет — не передавать же российские уголовные дела на рассмотрение иностранных судов или коммерческого арбитража? Если же рассматривать в качестве стороны исключительно государственного обвинителя, который хоть и выражает публично-правовую позицию, представляя государство, но пока лишь предварительную и в рамках не государства в целом, а только некоторых его «властей», чье разделение мы здесь наблюдаем, то все встает на свои места. Государство намеренно «разделяет власти», поручая одному своему представителю (прокурору) поддерживать обвинение, но одновременно лишая его каких-либо властных полномочий, а другому (суду) — осуществлять правосудие, наделяя его для этого всеми процессуально-властными полномочиями. В таком контексте столь важным становится в уголовном процессе разграничение функций обвинения и разрешения дела⁴⁴. Оно отражает не столько даже традиционное для российского

процессуального дискурса разграничение функций, сколько более фундаментальное разделение властей, исходящих от государства.

Но даже в стадии судебного разбирательства гипертрофировать состязательность в любом случае нельзя, т.к. она всегда сдерживается как минимум тремя факторами: 1) активной (более или менее) ролью суда, без которой, как мы видим, обойтись невозможно⁴⁵, поскольку суд должен обладать реальной процессуальной властью⁴⁶, оставляя стороны, включая государственного обвинителя, в одинаково «безвластном» положении; 2) пониманием того, что прокурор не имеет в уголовном деле личной заинтересованности в частноправовом смысле, иначе он подлежит отводу, то есть его заинтересованность является исключительно должностной или профессиональной⁴⁷, принципиально отличаясь от заинтересованности частных лиц (это также создает некоторое естественное неравенство сторон); 3) наличием объективно и всесторонне собранных в ходе предварительного расследования материалов единого уголовного дела, которые доступны обеим сторонам, являются их общим (вместе с судом) процессуальным багажом и не могут быть «приватизированы» (присвоены) ни одной из них⁴⁸.

⁴⁵ Даже в суде присяжных, где непременно есть выполняющий властные функции профессиональный элемент.

⁴⁶ В силу этого невозможно себе даже гипотетически представить рассмотрение уголовных дел третейскими судами, не обладающими никакими государственно-властными прерогативами.

⁴⁷ В уголовном процессе США заинтересованность прокурора в некоторых случаях может быть также политической, так как многие прокуроры избираются на должность населением (см.: *Бернам У.* Указ. соч. С. 274, 275), что нередко вынуждает их рассматривать тот или иной судебный процесс, особенно по резонансным уголовным делам, как этап предвыборной кампании (при переизбрании). Впрочем, речь идет об американской специфике, которая ничего не меняет с точки зрения отмеченных закономерностей.

⁴⁸ Это проявляется даже в тех правовых системах, прежде всего англосаксонских, где единого уголовного дела нет и где каждая сторона собирает «свое» досье (принцип «двух папок»). Однако оба этих досье, по сути, рассматриваются не как индивидуальная «собственность» каждой стороны, а как общее процессуальное достояние. Отсюда сложные несимметричные правила раскрытия доказательств, в т.ч. помимо воли стороны, их собравшей. Отсюда же отсутствие какого-либо равенства прав сторон при раскрытии доказательств (доминирует не частный, а публичный интерес), подчас более жесткие требования к защите, чем к обвинению (применительно к Англии см., напр.: *Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А.* Указ. соч. С. 125–128), и т.п. Иными словами, техника здесь от континентальной существенно отличается (единое дело в одном случае, «две папки» в другом, институт ознакомления с материалами дела в одном случае, институт раскрытия доказательств в другом и т.п.), но фундаментальная процессуальная логика, направленная на сдерживание состязательного эгоизма во имя информационной обеспеченности правосудия, в обеих системах функционально идентична.

⁴³ Понятно, что процессуальная власть — это всего лишь проявление в том или ином виде судопроизводства (в данном случае в уголовном процессе) функций публичной власти в широком смысле.

⁴⁴ Не случайно, например, во Франции данный принцип был закреплен в специальной статье-преамбуле, добавленной в УПК этой страны Законом от 15.06.2000 г., причем именно в виде разграничения полномочий органов уголовного преследования (обвинения) и органов, осуществляющих разрешение дела (правосудие), но без упоминания, в отличие от ч. 2 ст. 15 УПК РФ, функции защиты, к разделению властей отношения не имеющей. От функции защиты прав граждан вообще не может быть освобожден ни один государственный орган, особенно в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, в судебном разбирательстве мы получаем не абсолютную состязательность, но некий *максимум состязательности* по сравнению с тем, что вообще возможно в уголовном процессе с учетом его природы, роли в нем государства и отмеченных факторов.

* * *

Итак, государство не только не может, но и не должно состязаться со своими гражданами. Оно обязано сделать другое: во-первых, обеспечить подозреваемому и обвиняемому право на защиту, в т.ч. в ходе несостязательного предварительного расследования; во-вторых, так организовать судебное разбирательство, разделив функции своих представителей (прокурора и суда) и наделив одного из них функцией стороны обвинения (без процессуальной власти), а другого — функцией правосудия (с полнотой процессуальной власти), чтобы судебное разбирательство было максимально состязательным. Никакой другой состязательности в уголовном процессе не бывает. Таковы объективные институциональные закономерности, о которых следует помнить, остановив бессмысленную погоню за миражами вроде «равенства оружия» и занявшись разработкой более реалистичных концепций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александров А.С.* К вопросу об организации и деятельности обвинительной власти в Российской Федерации // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. Николая Сергеевича Алексеева (г. Санкт-Петербург, 28–29 июня 2014 г.) / под ред. Н.Г. Стойко. СПб., 2015. С. 107.
2. *Апарова Т.В.* Суды и судебный процесс Великобритании. Англия, Уэльс, Шотландия. М., 1996. С. 97.
3. *Бернам У.* Правовая система США. М., 2006. С. 171, 224, 274, 275.
4. *Бойльке В.* Уголовно-процессуальное право ФРГ. Красноярск, 2004. С. 36, 37.
5. *Воскобитова Л.А.* Теоретические основы судебной власти. М., 2017. С. 197.
6. *Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А.* Уголовный процесс западных государств. 2-е изд. М., 2002. С. 67, 125–128.
7. *Зайцев О.А.* Тенденции развития договорных отношений в российском уголовно-процессуальном праве // Журнал рос. права. 2019. № 1. С. 74.
8. *Зайцева Е.А.* Особенности действия принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Принципы российского уголовного судопроизводства: содержание и проблемы реализации / под ред. Н.С. Мановой. М., 2019. С. 268–270, 279, 280.
9. *Мамут Л.С.* Государство как публично-властным образом организованный народ // Журнал рос. права. 2000. № 3. С. 94, 95.
10. *Мельников Е.А.* Уголовное преследование в системе разделения властей (досудебное производство). М., 2019.
11. *Полянский Н.Н.* Уголовное право и уголовный суд в Англии. М., 1937. С. 147.
12. *Смирнов А.В.* Модели уголовного процесса. СПб., 2000. С. 18.
13. *Смирнов А.В.* Состязательный процесс. СПб., 2001. С. 18.
14. *Смирнов А.В.* Социально-историческая детерминация типов и форм судопроизводства, или Вечен ли состязательный процесс? // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М.С. Строговича: материалы конференции, 24–25 октября 2019 г., Москва. М., 2020. С. 40.
15. *Смирнов А.В.* Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе. М., 2018. С. 210.
16. *Строгович М.С.* Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939. С. 108, 109.
17. *Трубникова Т.В.* Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации. Томск, 2011. С. 126.
18. *Хадсон О.М.* Международные суды в прошлом и будущем / пер. с англ.; под ред. С.Б. Крылова. М., 1947. С. 240.
19. *Черепанов В.А.* Народ и государство: о доктринальном толковании конституционной модели // Журнал рос. права. 2019. № 1. С. 132.
20. *Яргутова В.Ю.* Участие специалиста в формировании доказательств по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2019. С. 12, 13.
21. *Brown W.* Le cauchemar américain: le néoconservatisme, le néolibéralisme et la dé-démocratisation des Etats-Unis // *Raisons politiques*. Vol. 28. 2007. No. 4. P. 70, 71.
22. *Casorla F.* Les principes directeurs du procès pénal, principes généraux du droit? Essai de clarification // *Le droit pénal à l'aube du troisième millénaire. Mélanges offerts à Jean Pradel*. Paris, 2006. P. 64, 66.
23. *Guinchard S., Buisson J.* Procédure pénale. Paris, 2000. P. 47, 52, 53.
24. *Renucci J.-F.* Droit européen des droits de l'homme. Paris, 1999. P. 204, 205.

REFERENCES

1. *Alexandrov A.S.* On the question of the organization and activity of the prosecutorial power in the Russian Federation // Prosecution and defense in criminal cases: historical experience and modernity: collection of articles based on the materials of the international court of justice. scientific-practical conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Prof. Nikolay S. Alekseev (Saint Petersburg, June 28–29, 2014) / ed. by N.G. Stoiko. SPb., 2015. P. 107 (in Russ.).
2. *Aparova T.V.* Courts and judicial process of Great Britain. England, Wales, Scotland. M., 1996. P. 97 (in Russ.).
3. *Burnam U.* The legal system of the USA. M., 2006. P. 171, 224, 274, 275 (in Russ.).
4. *Boylike V.* Criminal procedure law of Germany. Krasnoyarsk, 2004. P. 36, 37 (in Russ.).
5. *Voskobitova L.A.* Theoretical foundations of judicial power. M., 2017. P. 197 (in Russ.).
6. *Gutsenko K.F., Golovko L.V., Filimonov B.A.* Criminal process of Western States. 2nd ed. M., 2002. P. 67, 125–128 (in Russ.).
7. *Zaitsev O.A.* Trends in the development of contractual relations in the Russian criminal procedure law // Journal of Russ. law. 2019. No. 1. P. 74 (in Russ.).
8. *Zaitseva E.A.* Features of the principle of competition of the parties in criminal proceedings of the Russian Federation // Principles of Russian criminal justice: content and problems of implementation / ed. by N.S. Manova. M., 2019. P. 268–270, 279, 280 (in Russ.).
9. *Mamut L.S.* The state as a publicly organized people // Journal of Russ. law. 2000. No. 3. P. 94, 95 (in Russ.).
10. *Melnikov E.A.* Criminal prosecution in the system of separation of powers (pre-trial proceedings). M., 2019 (in Russ.).
11. *Polyansky N.N.* Criminal law and criminal court in England. M., 1937. P. 147 (in Russ.).
12. *Smirnov A.V.* Models of criminal procedure. SPb., 2000. P. 18 (in Russ.).
13. *Smirnov A.V.* Competitive process. SPb., 2001. P. 18 (in Russ.).
14. *Smirnov A.V.* Socio-historical determination of types and forms of legal proceedings, or is the adversarial process Eternal? // The nature of the Russian criminal process and the principle of competition: to the 125th anniversary of the birth of M.S. Strogovich: proceedings of the conference, October 24–25, 2019, Moscow. M., 2020. P. 40 (in Russ.).
15. *Smirnov A.V.* Formal means of proof in criminal law and process. M., 2018. P. 210 (in Russ.).
16. *Strogovich M.S.* The nature of the Soviet criminal process and the principle of competition. M., 1939. P. 108, 109 (in Russ.).
17. *Trubnikova T.V.* The right to a fair trial: legal positions of the European Court of human rights and their implementation in the criminal process of the Russian Federation. Tomsk, 2011. P. 126 (in Russ.).
18. *Hudson O.M.* International courts in the past and future / transl. from English; ed. by S.B. Krylov. M., 1947. P. 240 (in Russ.).
19. *Cherepanov V.A.* The people and the state: on the doctrinal interpretation of the constitutional model // Journal of Russ. law. 2019. No. 1. P. 132 (in Russ.).
20. *Yargutova V. Yu.* Participation of a specialist in the formation of evidence in criminal cases of crimes in the sphere of economic activity: theoretical and applied aspects: abstract ... PhD in Law. N. Novgorod, 2019. P. 12, 13 (in Russ.).
21. *Brown W.* Le cauchemar américain: le néoconservatisme, le néolibéralisme et la dé-démocratisation des Etats-Unis // Raisons politiques. Vol. 28. 2007. No. 4. P. 70, 71.
22. *Casorla F.* Les principes directeurs du procès pénal, principes généraux du droit? Essai de clarification // Le droit pénal à l'aube du troisième millénaire. Mélanges offerts à Jean Pradel. Paris, 2006. P. 64, 66.
23. *Guinchard S., Buisson J.* Procédure pénale. Paris, 2000. P. 47, 52, 53.
24. *Renucci J.-F.* Droit européen des droits de l'homme. Paris, 1999. P. 204, 205.

Сведения об авторе

ГОЛОВКО Леонид Витальевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус)

Authors' information

GOLOVKO Leonid V. — Doctor of Law, Professor, Head of the Centre for Criminal Procedure, Justice and Prosecutorial Oversight at the Faculty of Law, Lomonosov Moscow state University; 1 Leninskie Gory, building 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia